

Поэтические азбуки:

подвижность и устойчивость жанровой модели

Поэтические азбуки (или азбуки в стихах и картинках), являясь отражением общекультурного феномена – внимания к начертанию букв, воплощенного в искусстве каллиграфии, – представляют собой жанровое образование, обладающие принципиально *двойственным, пограничным* характером.

Действительно, это *учебный* – и одновременно *неучебный* (художественный) жанр. С одной стороны, поэтические азбуки (а чаще их фрагменты) попадают в школьные учебники, поскольку направлены на решение чисто учебных, школьных задач (знакомство с начертанием букв, с их звуковыми значениями, освоение наиболее частотных слов с этими буквами), с другой – способствуют образному преобразению и эстетизации отдельных букв и алфавита в целом. Именно в статусе *художественных* поэтических произведений азбуки в стихах и картинках включаются в детские художественные издания и даже собрания сочинений¹.

Подобно тому, как жанровое образование, традиционно называемое поэтическими азбуками, балансирует между статусами учебного и художественного, оно попадает в промежуток «поэтический *цикл*» – «*единое* (неделимое на части) произведение». Причем существуют как «чистые» циклы – азбуки, в которых строфы, посвященные отдельным буквам, связаны между собой не более чем общими правилами построения (такова, например, классическая азбука С. Маршака «Про все на свете») и потому способные включаться в учебные издания фрагментарно, так и исключительно единые и неделимые тексты (таков, например, акростих С. Маршака «Автобус номер двадцать шесть» или близкое в жанровом отношении стихотворение Б. Заходера «Диета термита»). Между этими полюсами расположен основной массив поэтических азбук, обладающих разной степенью цельности: чаще всего, к общим правилам построения строф здесь добавлено

¹ См., например: Маршак С.Я. Собр. соч. В 8-ми тт., т. 1.

тематическое единство («Морская азбука», «Азбука дорожного движения», «Азбука юннатов» и др.).

Кроме того, для поэтических азбук характерно размежевание по адресату: наряду с чисто *детскими* произведениями с давних времен существуют азбуки *для взрослых* – начиная с «Азбучной молитвы», одного из самых ранних славянских стихотворений, до азбук Дмитрия Пригова и позднейших экзерсисов всемирной паутины, часто по фольклорному анонимных.

Ясно, что такая двойственность не способствует жанровой цельности и определенности поэтических азбук, расшатывает и усложняет жанровую модель.

Не исключено, что относительная свобода жанровой модели была «наработана» поэтическими азбуками благодаря солидному возрасту жанра – от истоков славянского стихотворства до современности. Причем если изначально, по крайней мере, в русской традиции, рассматриваемое жанровое образование имело учебно-назидательную направленность («Азбучная молитва», излагающая основы православного вероучения; «Азбука 1812 года», включающая 40 гравюр, посвященных минувшей войне, с поучительными подписями и др.), то современные поэтические азбуки от обучающих задач уходят подчас достаточно далеко.

«Считается почему-то, что алфавитный порядок – самый неумышленный порядок на свете», – пишет О. Кузнецова в рецензии на книгу А. Гениса «Американская азбука»². Возможно, именно эта бесхитростная возможность внятно для всех – от мала до велика – упорядочить разнородный материал так привлекает авторов к этому жанру?! Не случайно сегодня как в интернете, так и на рынке образовательных услуг наблюдается *пышное цветение* жанра поэтических азбук. Причем совершенно обычным является *множество* азбук, принадлежащих перу одного автора. И если детские поэты-классики оставили нам по 4—5 азбук (например, С. Маршак, Б. Заходер, Г. Сапгир), то сегодня существуют поэты, сочинившие 10 и более произведений этого жанра (современному поэту С. Еремееву принадлежит, например, более 30 поэтических азбук). Особенно неожиданным оказывается многообразие «взрослых» азбук, обыгрывающих далеко не детскую тематику.

Что касается детей (или поэтов, пишущих для детей), то здесь все достаточно просто. Азбуки, как правило, адресованы ребенку, *осваивающему* буквы, впервые

рассматривающему их форму, впервые произносящему отдельно, вне речевого потока, звуки, отображаемые этими буквами. Малыш впервые телесно (кинестетически) *проживает* буквы – их форму, характер составляющих их элементов, разные типы начертаний. Новизна впечатлений способствует образному (эмоциональному) восприятию буквы. В это время ребенок невольно *сосредоточен* на букве. Период этой сосредоточенности невелик и быстро пройдет, как только наступит привыкание и написание/чтение букв автоматизируется.

Процесс автоматизации восприятия привычных вещей описан в известной статье В. Шкловского «Искусство как прием». «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки; если кто вспомнит ощущение, которое он имел, держа в первый раз перо в руках или говоря в первый раз на чужом языке, и сравнит это ощущение с тем, которое он испытывает, проделывая это в десятитысячный раз, то согласится с нами... Это процесс, идеальным выражением которого является алгебра, где вещи заменяются символами»³.

Приведенные размышления В. Шкловского, безусловно, относятся к нашему восприятию букв. Поэтические азбуки в идеале обращены к ребенку в тот период, когда буквы еще не стали символами и переживаются глубоко, *почти как вещь*, способствуя продлению периода эстетического переживания букв. «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия»⁴. Поэтические азбуки, по крайней мере, «чистые» произведения этого жанра⁵, решают задачу остранения букв и алфавита в актуальный для этого процесса «досимволический» период.

Остранение *формы* букв достигается, например, с помощью сравнения букв и их элементов с самыми неожиданными предметами:

³ В. Шкловский. Искусство как прием / Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914—1933). М., 1990. С. 62—63.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Речь здесь не идет о поэтических циклах, где алфавит является лишь принципом упорядочения разнородного материала (примером такого цикла является, например, «Мохнатая азбука» Б. Заходера), а сами буквы не попадают в поле поэтического зрения.

*А – начало алфавита,
Тем она и знаменита.
А узнать ее легко:
Ноги ставит широко.*

*Буква Б с большим брюшком
В кепке с длинным козырьком.*

*Это Ж, а это К –
Целый жук и полжука.
(А. Шибяев, Г. Виеру, В. Витковская, Е. Тарлапан, В. Степанов. Веселая азбука)*

Намного реже остранивается в азбуках звуковое значение букв:

*– А-а-а, – заплакала Аленка,
– На, – сказала ей сестренка.
Алый цветик сорвала
И Аленушке дала.
(Е. Благинина. Азбука)*

*Я был в лесу. Была жара.
Она гудела буквой А.
(Г. Сагир. Лесная азбука)*

Образные «превращения» не только помогают ребенку запомнить форму буквы или ее звуковое значение, но и выполняют поэтическую функцию, побуждая ребенка во-образить букву (воспринять предложенный автором образ буквы или ее элементов, а также связанного с ней звука).

Однако подобная образность свойственна далеко не всем поэтическим азбукам и не только не принадлежит жанровой модели, но скорее является редкостью. Чаще образное остранение мы можем наблюдать лишь в отдельных строфах; большинство же азбук пользуются иными поэтическими средствами.

Интуитивно ощущая значимость буквы для ребенка на пороге школьного возраста, поэты затевают с буквами самые разные *игры*. Саша Черный устраивает *маскарад букв*:

*А – стал аистом, Ц – цаплей,
Е – ежом... Прекрасный бал!
Я не спал и все до капли
Подсмотрел и записал...
(Саша Черный. Живая азбука)*

Инна Гамазкова создает «Азбуку в загадках» – буква, под которой расположена та или иная загадка, служат в ней своеобразной подсказкой (слово-отгадка, замыкающее последнюю строку и подсказываемое рифмой, начинается именно с этой буквы):

*А
Серебристых рыбок стая промелькнула,
А за ними мчится хищная (акула).*

Особенно часто поэты сочиняют своеобразные *азбуки-коллекции*. Каждая строфа таких азбук посвящена одной букве; место строфы в стихотворении задается алфавитным порядком. Как правило, строфа начинается с той буквы, которой посвящена; кроме того, в ней собрано максимальное количество слов с этой буквой, причем предпочтительно, чтобы данная буква располагалась в самом начале этих слов:

*Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.
(С. Маршак. Про все на свете)*

*В книгу смотрит
Грач ученый.
Рядом с ним сидит
Галчонок.
— Букву «Г»,
Мальши, учи.
Это «Г» —
ГНЕЗДО,
ГРАЧИ.
(Г. Сагир. Журавлиная книга)*

Нередко поэты стремятся «оправдать», так или иначе мотивировать устройство подобных «коллекций», прибегая к *условному сюжету* (как в «Журавлиной книге» Г. Сапгира или «Диете термита» Б. Заходера), а также *тематическому* или *жанровому ограничению* («Живые буквы» С. Маршака, «Азбука с именами» Л. Улановой, «Веселая автомобильная азбука» А. Парошина, «Азбука в считалках и скороговорках» Г. Сапгира и др.). Во всех этих азбуках актуализируется *первая буква* в слове – та буква, с которой начинается слово. Собирая в небольшой по объему строфе (как правило, это 2—4 строки) группу слов, начинающихся с одной буквы, и размещая эту строфу в стихе в соответствующем месте (по алфавиту), поэты акцентируют, *выделяют* общую начальную букву всей группы слов. Начальная буква слова становится своего рода символом, флажком, неким основанием для объединения слов, общим признаком («*Что у нас в лесу на букву Ш?/ Это шишка шлепнулась, шурша,/ Шмель и шершень шарят в кашке,/ Шебуришат в шиповнике букашки...*» – М. Яснов. *Шумный лес*). Единое и неделимое слово, накрепко связанное в сознании ребенка с предметом, постепенно начинает обнаруживать свою собственную природу, превращаться в самостоятельный объект, *расчленяться*, а тем самым – *остраняться*.

Любопытно, что формирование нового для ребенка способа объединения слов – по начальной букве – столь популярного в поэтических азбуках и актуального для зоны ближайшего развития ребенка на его предшкольном возрастном этапе, происходит на фоне привычного тематического (предметного) принципа. Не случайно азбуки-коллекции чаще всего оказываются тематическими (многочисленные азбуки имен, «фруктовые» азбуки, азбуки профессий, спортивные азбуки, компьютерная азбука и др.) – новый для детей принцип объединения слов «оправдывается» хорошо знакомым, привычным, как бы *скрывается* за ним и одновременно *выглядывает* из-за него. Заметим попутно, что многочисленные «игры в слова», распространенные не столько в школьном, сколько в семейном обиходе (по правилам одной из таких игр каждый участник игры должен подобрать слово на ту букву, которой заканчивается слово, предложенное предыдущим игроком, например: мяч – час – стол – лист и т. д.) поддерживают остранение слова, продолжая аналитический процесс, направленный на выявление его звукового/буквенного состава.

Таким образом, если «образные превращения» способствуют остранению букв, их элементов и звуковых значений, то азбуки-коллекции острают слова, выделяя в них отдельные (по преимуществу начальные) буквы. Причем поэтические азбуки редко способны совместить разные типы остранения: чаще они делят между собой эти разные функции. Возможно, *разнообразие предметов остранения*, доступное поэтическим азбукам (форма буквы и ее отдельных элементов, звуковое значение, включающие эту букву слова; теоретически можно предположить и другие предметы остранения – варианты начертаний буквы, наличие прописной и строчной и др.), а также разнообразие средств остранения, частично описанное выше, объясняют притягательность данного жанрового образования и наличие значительного количества поэтических азбук, принадлежащих перу одного поэта.

Продолжая наблюдения над подвижностью и устойчивостью жанровой модели, необходимо отметить, что *форма строфы* и в целом *количество строк* (или слов), посвященных одной букве, в разных азбуках существенно варьируются – от значительного количества (в отдельных случаях более десятка строф: вспомним «Веселое путешествие от А до Я») до одного слова в пределе:

Армеец, будь готов всегда

Добить ехидну ёлкой!

Жесток закон, истерзан Йов –

Казни лжеца метелкой!

(финал «Антивоенной азбуки» Виты Тэ и Димы Гога)

Причем количество строк/слов, посвященных одной букве, в пределах одного стихотворения (или стихотворного цикла) может быть как одинаковым (как, например, в классической азбуке С. Маршака «Про все на свете»), так и резко различным. Текст поэтической азбуки может представлять собой *только* строфы/строки/слова, расположенные по алфавиту (в этом случае мы имеем дело чаще всего с *поэтическим циклом*), или же содержать разного рода вступления/концовки, способствующие собиранию строф в единое произведение (И. Токмакова «Букваринск», Саша Черный «Живая азбука» и др.). В отдельных случаях эти «избыточные» по отношению к алфавитному порядку строки имеют откровенно нравоучительное звучание:

*Прочтите сказку эту, дети,
Расскажет весело она,
Какие звери есть на свете
И как писать их имена.*

*Когда в автобусе мы едем
Или в вагоне под землей,
Не будь ежом, не будь медведем,
Не будь удавом и свиньей!*
(С. Маршак, концовка стихотворения «Автобус номер двадцать шесть»)

*Я сказать вам всем хочу –
Слава шайбе и мячу!*
(Г. Сагир, финальное двустишие «Забавной азбуки»)

Современные анонимные азбуки, широко представленные в интернете, «снимают» самые характерные признаки жанра поэтических азбук. Чаще всего строфа в них имеет форму четверостишия и представляет собой коллекцию слов, начинающихся с определенной буквы; строфы располагаются в алфавитном порядке и обычно связываются тематически. Вероятно, таковы внешние признаки данной жанровой модели.

Этот полуфольклорный материал, на первый взгляд, носящий отчетливые черты эпигонства, между тем содержит в себе целый ряд новшеств. В частности, это *пародийное цитирование* хрестоматийных произведений детской поэзии. Показательны в этом отношении строфы из анонимной «Компьютерной азбуки в стихах»:

*М – Модем
Мама спит, она устала,
Я модем включать не стала.
И зачем к модему лезть,
Если выделенка есть?*

Г – Гигабит

*Приходи ко мне хоститься
Веб-дизайнер и больница.
Всех излечит, исцелит
Добрый толстый Гигабит.*

Любопытно и свойственное современным анонимным азбукам *оживление* букв, в том числе и *наделение* букв речью:

*Буква Э сказала: «Эх...
Это я смешнее всех».
Буква Э в любой из книг
Показать спешит язык.*

*Мягкий знак хотел бы знать,
Сколько можно повторять:
«Надо спать, пора в кровать,
Снова глазки закрыватЬ».*

Подводя итоги, необходимо сказать, что за пределами настоящего исследования остался целый ряд проблем, требующих специального рассмотрения. В частности, это взаимодействие текста поэтических азбук с сопровождающими их иллюстрациями. Любопытен и методический аспект темы: представляется, что в учебные пособия для дошкольников и младших школьников нередко попадают далеко не лучшие произведения этого жанра, и образовательный потенциал поэтических азбук подчас не осознается и не учитывается авторами учебных пособий, решающих исключительно утилитарную задачу научения ребенка буквам. Между тем, как мы старались показать, обучающие возможности этого непростого жанрового образования богаче и шире.

